

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЧЕРТЫ ЭПИЧЕСКОГО СТИЛЯ В ЛИТЕРАТУРЕ XI-XIII вв.

Расцвет монументального стиля в изображении людей падает на XII- XIII вв. К XI в. относится формирование этого стиля. В изображении человека здесь еще сильно сказывается воздействие фольклора, которое впоследствии - в XII и XIII вв. - появляется лишь эпизодически, в произведениях, близких народному творчеству.

Судить о народном творчестве XI и предшествующих веков мы можем только по его остаткам в письменности. Реконструировать народное творчество по записям более позднего времени (XVII-XX вв.) вряд ли возможно: народное творчество развивается так же, как и литература. Представления об исконной неподвижности народной поэзии давно ушли в прошлое. Только современные самим произведениям народного творчества их отражения в письменности дают нам возможность более или менее твердо судить о том, какими они были.

В задачу настоящей главы не входит реконструировать древнекиевский фольклор - это выполнено мною в другой работе¹. Упомяну только, что Повесть временных лет, особенно в своей начальной части, включает в себе немалое число обломков отдельных сюжетов, заимствованных из народных преданий, рассказов, исторических песен, возможно былин, плачей и т. д. Древнейшая русская история восстанавливалась летописцами по преимуществу на основании народных преданий, эпоса, дружинных песен. И вот замечательно, что из произведений народного творчества летописцы заимствовали не только исторические факты, но и самые образы их героев.

Народное творчество XI-XIII вв. не подчинено интересам одного господствующего класса: поэтому здесь в изображении людей гораздо больше индивидуальных черт. Герой народного эпоса - это человек богатырского подвига. Подвиг этот и накладывает на него отчетливый отпечаток индивидуальности. Герой блещет умом - своим собственным, так же как и силой, выдержкой, храбростью - также его собственными. Он совершает подвиг не по своему положению, не потому, что у него безмерно богато его княжество, сильна дружина, верны вассалы, а потому, что он либо хитер, либо умен, либо храбр или силен.

В русской литературе XI-XIII вв. этот эпический стиль в изображении человека сказывается там, где события записываются по следам народного эпоса, там, где образ человека не создается в самой литературе, а только переносится в нее из фольклора.

Вот действующие лица русской литературы XI-XIII вв., изображение которых отчасти подчиняется этому стилю: Вещий Олег, ходивший походом на Царьград и взявший его хитростью, поставив свои корабли на колеса и подступивший к стенам города под полными парусами; княгиня Ольга - хитрая и мудрая, мстившая за убийство своего мужа древлянам, устраивая им разные ловушки; князь Святослав - военный вождь, деливший все невзгоды со своею дружиною, суровый и прямодушный, всегда предупреждавший своих врагов о том, что он на них идет; юноша кожемяка, скромный по внешнему виду, младший сын семьи, но храбро победивший в единоборстве печенежского богатыря, против которого никто не решался выступить; князь Всеволод Полоцкий "Слова о полку Игореве",

перебегавший по ночам, подобно волку, с необычайной быстротой широкие пространства, и др.

Так же, как и в монументальном стиле XI-XIII вв., внутренние переживания героя не отражены в эпическом стиле; отражены главным образом его поступки, но поступки эти, в отличие от последующего времени, приподняты, возвышенны - это деяния, подвиги. Связь образа героя с приписываемым ему подвигом гораздо сильнее, чем связь героя и его поступков в обычных летописных рассказах. Здесь образ героя неотделим от совершенного им исторического подвига, запечатлевшегося в памяти народа.

Если в последующее время, в XII-XIII вв., действия князей, слившись в единый поток, превращались в жизнь князя или в последовательную историю его княжества, всей Руси, то деяния героев русского эпоса еще не составляют его биографии, зато составляют его яркую характеристику, его индивидуальную особенность. Поход Олега на Царьград в гораздо большей степени слит с образом Олега, чем многочисленные военные действия какого-нибудь Изяслава Мстиславича или Мстислава Изяславича. Ольга - это ее месть древлянам и хитрость, которой она "переключала" византийского императора. Святослав - это его прямота, товарищество с дружиной и далекие походы. Язычник Владимир - его взятие Корсуни, его пиры и полное язвительности испытание вер.

Если мы сравним краткие характеристики этих князей в начальной части Повести временных лет с характеристиками князей в летописи последующего периода, то заметим существенное различие: первые отчетливо связаны с их деяниями, вторые - несколько неожиданны, в них отмечаются такие качества, которые иногда в поступках князей вовсе не отразились.

Рассказ о походе Олега на Царьград заканчивается признанием его "вещим". "И приде Олег к Киеву, неся злато, и паволоки, и овощи, и вина, и всякое узорочье. И прозваша Олга - вещей: бяху бо людие погани и невеигласи"². Рассказ о походах Святослава начинается с его характеристики: "Князю Святославу възрастьшу и възмужавшу, нача вой совокуп-ляти многи и храбры, и легько ходя, аки пардусь, воины многи творяще. Ходя воз по себе не возяше, ни котля, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли, зверину ли или говядину на углех испек ядыше, ни шатра имя ше, но подьклад постлав и седло в головах; тако же и прочий вой его вси бя ху. И посылаше к странам, глаголя: "Хочю на вы ити". И иде на Оку рек и на Волгу..."³

Связь характеристик героев с их деяниями в обоих случаях самая непосредственная. Иное, допустим, в некрологической характеристике Всеволода Ярославича: "Сий бо благоверный князь Всеволод бе издетьска боголюбив, любя правду, набдя убогыя, въздая честь епископом и през-витером, излиха же любяше черноризци и подаяше требованье им. Бе же и сам въздержася от пьянства и от похоти..."⁴ и т. д. Ничто в этой характеристике не вытекает из приводимых о нем в летописи фактов. Характеристика Всеволода Ярославича выполняет здесь чисто этикетную функцию: это условное надгробное слово, отмечающее его христианские качества в момент, когда об этих христианских качествах и необходимо было вспомнить.

Следовательно, еще отличие эпического стиля в изображении людей от господствующего средневекового монументализма заключается в том, что многоликость героя, выступающего каждый раз в новом подобающем ему облике, в эпическом стиле отсутствует: здесь герой тесно связан с одним или несколькими своими подвигами, характеристика его едина, неизменна, прикреплена к герою. Характеристика героя - как бы его герб; она кратка и необычайно выразительна, как щит Вещего Олега на вратах Царьграда.

В целом эпический стиль в изображении людей стадийно предшествует монументальному, как предшествует устное творчество народа письменности. Но с появлением письменности устное творчество не исчезает; также не исчезает и воздействие на литературу этого эпического стиля в изображении героев. Оно проявляется в тех произведениях, которые связаны с устным народным творчеством.

В самом деле, кое-что всё же в обрисовке действующих лиц летописи позволяет предполагать родство с фольклором.

К народному творчеству, очевидно, восходят в летописи и других произведениях литературы характеристики действующих лиц по их какому-либо одному крупному деянию. Так охарактеризован, например, в Киево-Печерском патерике князь Африкан: "Князь Африкан, брат Якуна Слепаго, иже отбеже от златяга луды, биася полком по Ярославе с Лютым Мьстиславом"⁵.

Перед нами как бы напоминание о всем известном подвиге, деянии или случае. Так характеризуются, в частности, и некоторые из действующих лиц "Слова о полку Игореве": "...храброму Мстиславу, иже зар□за Редедюпредь пълкыкасожьокыми"; "...до ныняшняго Игоря, иже истягнуумь кр□постию своею и поостри сердца своего мужествомъ, наплънвися ратнаго духа, наведе своя храбрыя плькы на землю Полов□цькую за землю Руськую".

Замечательно, что в летописи этим способом представляются читателю многие из знаменитых половецких ханов: "...Концаку, иже снесе Сулу, пешь ходя, котел носянаплечеву"⁶; "...Севенча Боняковича... иже бьшетъ рекл: "хоцю сечи в Золотая ворота, яко же и отець мой"⁷; "... Алтунопу, иже словяше мужьством"⁸.

Народный характер имеют и общие характеристики жителей какой-либо местности. Киевляне называли новгородцев "плотниками"⁹. Ростовцы, суздальцы и муромцы говорят о владимирцах: "...то суть наши холопи каменъници"¹⁰. Владимирцы отмечали в новгородцах их "гордость"¹¹. Вслед за этими народными характеристиками и летописец говорит о переяславцах, что они "дерзи суще"¹².

К этим же характеристикам примыкает и характеристика курян - "сведомых кметей" в "Слове о полку Игореве". Все эти характеристики интересны тем, что они передаются летописцем как всем известные, как народное мнение и как "слава" о тех или иных жителях. Во всех них чувствуется опора на реальную народную молву.

Характеристика "курян" в "Слове о полку Игореве" по своим принципам художественного обобщения совпадает с характеристикой "воинства рязанского" в "Повести о разорении Рязани Батыем" - тех "удальцов и резвцов" рязанских, из

которых "един бяшеса с тысящей, а два со тмою"¹³. И в "Слове" и в "Повести" перед нами характеристика воинства, в которой ни слова не говорится о феодальной верности воинов своему князю, но всё направлено только на то, чтобы выявить воинские добродетели бойцов - защитников родины.

Характерные явления обнаруживаются в XII-XIII вв. в тех же памятниках при создании образа народного героя, образа защитника родины. Этот герой гиперболизируется в своей силе и мужестве, он как бы вырастает в размерах, его не могут одолеть враги. Однако понятие гиперболы может быть здесь применено с большими ограничениями. Впечатление гиперболы достигается тем, что на этого героя переносятся подвиги его дружины. Так, например, Всеволод Буй Тур в "Слове о полку Игореве" прыщет на врагов стрелами, гремит о шлемы мечами харалужными, и шлемы аварские "поскепаны" его калеными саблями.

Само собой разумеется, что Всеволод прыщет на врагов стрелами своей дружины, сражается ее мечами и ее саблями: у самого Всеволода мог быть только один меч или сабля. То же перенесение подвигов дружины на князя видим мы в "Слове" и в других случаях. Святослав Киевский "притрепал" коварство половцев "своими сильными плькы и харалужными мечи"; Всеволод Суздальский может "Донъ шеломы выльяти"- не одним своим шлемом, а многими, конечно, шлемами его воинов.

Так же точно создается и образ Евпатия Коловрата в "Повести о разорении Рязани Батыем". На Евпатия переносятся подвиги его воинов и их боевые качества. Он как бы соединяет в себе черты всего русского воинства. Он без милости сечет полки Батыевы так, что татары стали "яко пьяны или неистовы"¹⁴. Когда мечи Евпатия притуплялись, он брал татарские мечи и сек ими. Опять-таки характерно это множественное число: "...яко и мечи притупишася, и емля татарскыя мечи и сечаша их"¹⁵. Не может быть сомнения в том, что, говоря о Евпатии, автор имел в виду не одного его, но всю его дружину. Вот почему дальше говорится: "...татарове мняше, яко мертви восташа". Речь идет именно о мертвых, о многих воскресших бойцах. Вот почему и дальше без всякого перехода говорится о полке Евпатия: полк Евпатия и сам Евпатий объединены. Благодаря этому Евпатий вырастает до богатырских размеров: он "исполин силою", убить его удастся татарам только с помощью "тмочисленных пороков"- стенобитных машин¹⁶.

Смерть Евпатия - это своеобразное рождение первого богатыря в русской литературе. Мы ясно видим, как соединяет в себе образ Евпатия качества его дружины. Силен не богатырь - сильно воинство, которое он собой воплощает. Художественное обобщение идет по пути создания собирательного образа героя, воплощающего в себе качества всех русских воинов. Этим путем шло развитие образа былинного богатыря, который со временем стал один, без войска воевать за Русскую землю против огромной рати врагов. Путь этот пока еще не проторенный и лишь слабо намеченный, в дальнейшем приведет к литературным обобщениям нового, более совершенного характера. Этот путь, как мы ясно видели и в других случаях, был связан с нарушением узкоклассового, феодального литературного стереотипа в изображении людей. Эти нарушения были особенно часты в изображении женщины. Женщина не занимала обычно своего места в иерархической лестнице феодальных отношений. Княгиней, княжной, боярыней, боярышней или купчихой она была по

мужу или отцу. И это вносило ослабление в определенность ее классовой характеристики.

Произведения древней русской литературы отразили немногие черты характера женщины древней Руси. В больших государственных заботах древнерусским писателям нечасто приходилось обращать свой взор к дочерям, женам и матерям героев русской истории. Однако краткие и немногие строки русских светских произведений почти всегда с сочувствием и уважением пишут о женщинах. "Злая жена", столь типичная для аскетической церковной литературы, - редкий гость в произведениях литературы светской: в летописи, в повестях воинских, посольских, исторических. Да и в тех случаях, когда она появляется в светских произведениях, как, например, в "Молении" Даниила Заточника, она лишена всякой женственности: она "ротаста", "челюстаста", "старообразна". Юные же женщины - привлекательны без исключения. С какой трогательностью пишет Владимир Мономах в письме к Олегу Святославичу о вдове убитого Олегом своего сына Изяслава; летописец вспоминает мать юного брата Мономаха, Ростислава, безвременно погибшего в Стугне. Мать Ростислава оплакивала его в Киеве, и летописец сочувствует ее горю: "И плакася по немь мати его и вси людье пожалиша си по немь повелику, уности его ради"¹⁷.

Знает древнерусская литература и героические образы русских женщин. Княгиня Мария - дочь погибшего в Орде черниговского князя Михаила и вдова замученного татарами ростовского князя Василька - немало потрудились, чтобы увековечить память обоих. По ее указанию (а может быть, и при ее непосредственном участии) было составлено житие ее отца Михаила Черниговского и написаны трогательные строки о ее муже Васильке в Ростовской летописи¹⁸.

Трогателен и прекрасен в "Повести о разорении Рязани Батыем" образ жены рязанского князя Федора - Евпраксии. Ее муж пожертвовал жизнью, защищая в стане Батыя ее честь. Услышав о смерти мужа, Евпраксия "абие ринуся из превысокого храма своего с сыном своим со князем Иваном на среду земли, и заразися до смерти"¹⁹.

Скупая во всем, что касается личных чувств своих действующих лиц, русская летопись отмечает всё же, что суздальскому князю Всеволоду Большое Гнездо было "жаль" своей "милой дочери" Верхославы²⁰. Всеволод дал "по ней многое множество, бес числа злата и серебра", богато одарил сватов и, отпустив ее с великою честью, провожал ее до трех станов. "И плакася по ней отец и мати: занеже бе мила има и млада"²¹. Не забыта летописцем и та безвестная женщина, которая, приняв ослепленного князя Василька -Ростиславича Теробовольского за умершего, оплакала его и выстирала его окровавленную рубашку.

Описывая смерть волынского князя Владимира Васильковича, летописец не преминул упомянуть о любви его к жене - "милой Ольге". Это была четвертая дочь брянского князя Романа, но была она ему "всех милее". Роман отдал "милую свою дочь"²² за Владимира Васильковича, "посла с нею сына своего старейшего Михаила и бояр много"²³. Впоследствии ее навещает брат ее Олег²⁴. С ее помощью на смертном одре Владимир Василькович улаживает свои государственные дела, причем называет ее "княгини моа мила Олго". Владимир и Ольга были бездетны. Предсмертные заботы Владимира направлены "а то, чтобы устроить судьбу ее и их

приемной дочери - Изяславы, "иже миловах ю аки свою дщерь родимую"²⁵. Владимир Василькович разрешает своей жене поступить после его смерти, как ей вздумается - жить так или идти в черницы: "Мне не воставши смотреть, что кто иметь чинити по моему животе"²⁶, - говорит он.

Нежный, задумчивый облик женщины-матери донесли до нас и произведения русской живописи XII в. В них воплощена забота женщины, ее любовь к умершему сыну.

Сохранился рассказ о том, какое впечатление у зрителей оставляли эти произведения. Гордый князь Андрей Юрьевич Боголюбский, никогда ни перед кем не склонявший головы, смелый воин, всегда первым бросавшийся в битве на врагов, был поражен изображением Владимирской богородицы. "Сказание о чудесах Владимирской иконы" говорит о том глубоком впечатлении, которое произвела на Андрея Боголюбского икона Владимирской богородицы. Увидев ее впервые, он пал перед нею на колени - "припаде на земли"²⁷. Впоследствии все свои победы над врагами сам он и его летописец приписывали помощи этой иконы.

Во всех этих немногих упоминаниях женщина неизменно выступает в обаянии нежной заботливости, проникновенного понимания государственных тревог своих мужей и братьев. Дочь, мать или жена - она всегда помогает своему отцу, сыну или мужу, скорбит о нем, оплакивает его после смерти и никогда не склоняет его при жизни к трусости или самосохранению ценой позора. Смерть в бою с врагами она воспринимает как должное и оплакивает своих сыновей, мужей или отцов без тени упрека, без следа недовольства, как воинов и патриотов, выполнивших свой долг, не ужасаясь и не осуждая их поведения, а с тихою ласкою и с похвалою их мужеству, их доблести. Любовь к мужу, отцу или сыну не притупляет их любви к родине, ненависти к врагам, уверенности в правоте дела любимого человека.

Русские женщины "Слова о полку Игореве" воплощают в себе те же черты, которые хотя и скудно, но достаточно отчетливо донесли до нас летописи и воинские повести XII-XIII вв. Мы можем с уверенностью представить себе идеал женщины древней Руси XII-XIII вв., который будет одинаков и в летописи, и в воинских повестях, и в "Слове о полку Игореве"; только в "Слове о полку Игореве" образ скромной, заботливой, верной и любящей женщины, достойной жены своего героя-мужа, выступает с еще большей отчетливостью и большим обаянием. Идеал женщины XII-XIII вв. включает в себе мало классовых черт. Класс феодалов не выработал собственного идеала женщины, резко отличного от народного. Женщина и в среде феодалов была предана своим заботам жены, матери, вдовы, дочери. Большие государственные обязанности не были ее уделом. И именно это способствовало сближению женских образов - феодальных и народных. Вот почему Ярославна в "Слове о полку Игореве" представлена в образе лирической, песенной русской женщины - Ярославны.

Эпический стиль в изображении людей ни разу не охватывает литературное произведение полностью. Даже в "Слове о полку Игореве" этот эпический стиль соединен со стилем средневекового монументализма. Как мы уже видели, элементы эпического стиля явственно ощущаются только в начальной части Повести временных лет, впоследствии - в образах женщин. Он сказывается в Ипатьевской летописи

(характеристика Романа Галицкого), в "Слове о погибели Русской земли", в Житии Александра Невского (в характеристике шести храбрецов Александра Невского), в "Повести о разорении Рязани Батыем" и в некоторых других произведениях. Такая эпизодичность в проявлениях этого стиля вполне понятна: стиль этот в основном выразился только в устном народном творчестве, а в литературе он отражался время от времени под воздействием последнего. Поскольку же устное народное творчество киевского периода известно нам в скудных остатках среди произведений письменных, многие особенности этого стиля остаются для нас все же не ясными.

В изобразительном искусстве эпический стиль почти не отразился. Это и понятно: изобразительное искусство было гораздо более "дорогим", чем литература, но и в изобразительное искусство все же проникали отдельные элементы эпического стиля через непосредственных исполнителей воли заказчиков-феодалов. Вот что пишет по этому поводу М. В. Алпатов: "До нас не дошло искусство, которое создавалось в Киеве народом для себя. Смердам приходилось жить в курных избах полуземляночного типа. Но они слагали песни о героях, голос протеста простого люда звучал в городах на вече. У людей труда были свои идеалы жизни и свои понятия красоты. Руками этих людей создавались киевские здания с их пышным убранством. Вот почему и во многих великокняжеских памятниках чувствуются отголоски народных художественных представлений"²⁸.

---

¹ Главы: "Народное поэтическое творчество времени расцвета древнерусского раннефеодального государства (X-XI вв.)" и "Народное поэтическое творчество в годы феодальной раздробленности Руси - до татаро-монгольского нашествия (XII - начало XII в.)". в кн.: "Русское народное поэтическое творчество", т. I, М.-Л., 1953.

² Повесть временных лет, т. I. М.- Л., 1950, стр. 25.

³ Повесть временных лет, т. I. М.- Л., 1950, стр. 46.

⁴ Повесть временных лет, т. I. М.- Л., 1950, стр. 142.

⁵ Д. Абрамович. Киево-Печерский патерик. Киев, 1931, стр. 1.

⁶ Ипатьевская летопись. Изд. 1871 г., под 1201 г., стр. 480.

⁷ Ипатьевская летопись. Изд. 1871 г., под 1151 г., стр. 299.

⁸ Ипатьевская летопись. Изд. 1871 г., под 1103 г., стр. 184.

⁹ Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М. - Л., под 1016 г., стр. 184.

¹⁰ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I, вып. 2. Л, 1926, под 1175 г., стр. 374.

¹¹ Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I, вып. 2. Л, 1926, под 1169 г., стр. 362.

¹² Лаврентьевская летопись. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ), т. I, вып. 2. Л, 1926, стр. 360.

¹³ Повести о Николе Заразском- Труды Отдела древнерусской литературы (ОДРЛ) Института русской литературы Академии наук СССР, т. VII, 1949, стр. 290-291.

¹⁴ Повести о Николе Заразском- Труды Отдела древнерусской литературы (ОДРЛ) Института русской литературы Академии наук СССР, т. VII, 1949, стр. 293.

¹⁵ Повести о Николе Заразском- Труды Отдела древнерусской литературы (ОДРЛ) Института русской литературы Академии наук СССР, т. VII, 1949, стр. 293.

¹⁶ Повести о Николе Заразском- Труды Отдела древнерусской литературы (ОДРЛ) Института русской литературы Академии наук СССР, т. VII, 1949, стр. 294.

¹⁷ Повесть временных лет, т. I, стр. 144.

¹⁸ Благодаря тому что портрет князя всегда был обращен к зрителю и написан для зрителя, в нем легко проглядывали те черты, которые больше всего были дороги именно для того зрителя, который выступал в роли заказчика произведения. В своде ростовской княгини Марии в характеристике ее покойного мужа - ростовского князя Василька Константиновича - ясно ощущается не только похвала, но и выражение горести утраты: "Бе же Василко лицом красен, очима светел и грозен, хоробр паче меры на ловех, сердцем легок, до бояр ласков, никто же бо от бояр, кто ему служил и хлеб его ел, и чашю пил, и дары имал,- тог никако же у иног князя можаше быти за любовь его; излише же слугы свои любляше. Мужество же и ум в нем живяше, правда же и истина с ним ходяста. Бе бо всему хытр и гораздо умея, и по-седе в доброденьствии на огни столе и дедни" (Лаврентьевская летопись, под 1237 г., стр. 467). Этот лирический портрет, в котором внешним чертам князя придано такое большое значение, может сравниться только с портретом волынского князя Владимира Васильковича, составленным волынским летописцем, также особенно внимательным к судьбам вдовы этого князя - "милой" Ольги. Волынский : ростовский летописцы - оба писали для вдов своих князей, оба в какой-то мере, отразили их чувства. "Сий же блауверный князь Володимерь,- пишет волынский летописец,- возрастомь бе высок, плечима великь, лицемо красен, волосы имея желты кудрявы, бороду стригый, руки же имея красны и ноги; речь же бяшетъ в немъ тольста и устна исподняя дебела, глаголаше ясно от книг, зане бысть

философ велик и ловец хитр, хоробр, кроток, смирен, незлобив, правдив, не мздоимецъ, не лжив татьбы ненавидаше, питья же не пи от вздраста своего. Любовь же имеяше ко всим паче же и ко братьи своей, во хрестьном же целованьи стояше со всею правдою истинною, нелицемерною" (Ипатьевская летопись, под 1289 г., стр. 605).

¹⁹ Труды ОДРЛ, т. VII, стр. 289.

²⁰ Ипатьевская летопись, под 1187 г., стр. 443.

²¹ Ипатьевская летопись, под 1187 г., стр. 443.

²² Ипатьевская летопись, под 1264 г., стр. 569.

²³ Ипатьевская летопись, под 1264 г., стр. 569.

²⁴ Ипатьевская летопись, под 1274 г., стр. 577.

²⁵ Ипатьевская летопись, под 1287 г., стр. 595.

²⁶ Ипатьевская летопись, под 1287 г. Владимир говорит об Изяславе: "Бог бо не дал ми своих родити, за мои грехы, но си ми бысть аки от своее княгине рожека, взял бо есмь ю от своее матери в пеленах и вскормил" (стр. 593).

²⁷ Сказание о чудесах Владимирской иконы божьей матери. Под ред. В.О. Ключевского. Общество любителей древней письменности, вып. XXX, 1878, стр. 30.

²⁸ М.В. Алпатов. Всеобщая история искусств, г. ///. М., 1955, стр- 60-61.